

Научная статья

УДК 911.3+314(480)

doi: 10.17072/2079-7877-2024-4-25-40

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ФИНЛЯНДИИ В XXI ВЕКЕ**Юрий Александрович Ступин**

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

y.stupin@spbu.ru

Аннотация. В 2010-е гг. геодемографическое развитие Финляндии вступило на новый этап, главными особенностями которого стали резкое усиление иммиграции (как из Европы, так и из стран Азии и Африки) и снижение естественного прироста с переходом в естественную убыль. В условиях кризиса, с учётом территориальной масштабности и слабой заселённости страны особую актуальность приобретает проблема неравномерности демографического развития. Цель исследования – охарактеризовать пространственную неоднородность демографического развития Финляндии в период кризиса. Методы исследования – статистический (ключевой), картографический, описательный, а также типологизации и районирования. Типологизация низовых административно-территориальных единиц произведена на основании критериев общего демографического тренда (прирост или убыль населения) и соотношения его факторов – естественного и миграционного прироста в 2016–2022 гг., также учитывалось соотношение внутренней и международной миграции. Выделено 2 типа, 4 подтипа и 11 типологических групп. Районирование производилось с использованием сетки АТЕ первого уровня – областей. В качестве критериев использовались компоненты динамики численности населения, продолжительность жизни, особенности возрастного состава. Выявление районов проводилось методом кластерного анализа, который позволил выделить 4 мезорайона и 11 районов. В условиях демографического кризиса и увеличения масштабов миграции качественно усилились концентрические тенденции геодемографической трансформации и полярные черты геодемографической обстановки. Из четырёх мезорайонов прогрессивный демографический тренд сохраняют лишь два. Главный полюс демографического роста Финляндии обозначен как «южный полумесяц», соединяющий крупнейшие городские агломерации страны, с доминированием столичного региона. Географическое положение благополучных с демографической точки зрения частей страны способствует «стягиванию» населения к морскому побережью, особенно южному. Выделена группа второстепенных полюсов роста – оулуцкий, куопиоский, йювяскюляский и другие. Остальная территория теряет население, сильнее всего убыль выражена на востоке Финляндии. Демоцентр устойчиво смещается в южном направлении с некоторой западной составляющей.

Ключевые слова: Финляндия, геодемографическая обстановка, концентрация населения, иммиграция, геодемографическое районирование

Для цитирования: Ступин Ю.А. Геодемографическая обстановка в Финляндии в XXI веке // Географический вестник = Geographical bulletin. 2024. № 4 (71). С. 25–40. doi: 10.17072/2079-7877-2024-4-25-40

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2024-4-25-40

GEODEMOGRAPHIC SITUATION IN FINLAND IN THE 21ST CENTURY**Iurii A. Stupin**

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

y.stupin@spbu.ru

Annotation. In the 2010s, the geodemographic development of Finland entered a new stage, the main features of which were a sharp increase in immigration (both from Europe and from the countries of Asia and Africa) and a decrease in natural growth with a transition to natural decline. In times of crisis, taking into account the country's territorial scale and low population density, the problem of uneven demographic development becomes particularly relevant. The study aims to characterize the spatial heterogeneity of demographic development in Finland during the crisis. Research methods employed include statistical method (as the major one), cartographic, descriptive methods, as well as typology and zoning. The lower administrative-territorial units (ATU) were typologized based on the criteria of the general demographic trend (population growth or decline) and the ratio between its factors – natural and migration growth in 2016–2022; the ratio between internal and international migration was also taken into account. Two types, four subtypes, and eleven typological groups have been identified. Zoning was carried out using a grid of first-level ATU – regions. The criteria used were components of population dynamics, life expectancy, and features of the age composition. The districts were identified using cluster analysis, which made it possible to distinguish 4 meso-districts and 11 districts. In the context of the demographic crisis and increasing migration, the concentric trends of geodemographic transformation and the polar features of the geodemographic situation have increased qualitatively. Of the four meso-districts, only two maintain a progressive demographic trend. The main pole of Finland's demographic growth is designated as the 'southern crescent', connecting the country's largest urban agglomerations, with the dominance of the capital region. The geographical location of the demographically prosperous parts of the country contributes to the 'pulling' of the population toward the sea coast, especially the southern coast. A group of minor growth poles has been identified – Oulu, Kuopio,

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

Jyväskylä, and others. The rest of the territory is losing population, with the decline most pronounced in eastern Finland. The demographic center is steadily shifting in a southerly direction with some westerly component.

Keywords: Finland, geodemographic situation, population concentration, immigration, geodemographic zoning

For citation: Stupin, I.A. (2024). Geodemographic situation in Finland in the 21st century. *Geographical Bulletin*. No. 4(71). Pp. 25–40. doi: 10.17072/2079-7877-2024-4-25-40

Введение

Демографическое развитие современной Европы характеризуется наличием целого ряда проблем. Увеличение населения макрорегиона всё больше связывается с иммиграцией. Для автохтонного населения характерны сокращение рождаемости под влиянием старения населения и эволюции репродуктивного поведения (иногда именуемого не иначе, как «демографический суицид») в рамках второго демографического перехода, снижение естественного прироста с переходом на многих территориях в убыль, зона которой постоянно расширяется. В недалёкой перспективе всё перечисленное неизбежно отразится на социально-экономическом росте стран Европы. Указанные тенденции получили отражение и в демографическом развитии Финляндии. Постепенное сокращение естественного прироста перешло с 2016 г. во всё возрастающую естественную убыль, ознаменовав начало демографического кризиса в стране (до этого депопуляция в Финляндии отмечалась в 1940 г.). Эффект данного явления в настоящее время пока нивелируется за счёт масштабной иммиграции. Тем не менее, согласно последнему (сентябрь 2021 г.) прогнозу национальной статистической службы, иммиграция будет компенсировать естественную убыль лишь до 2034 г., после чего обозначится общее сокращение численности населения страны. Набирающий силу регрессивный демографический тренд является предпосылкой усиления исследовательского внимания к стране, а высокий динамизм развития демографического кризиса требует постоянной актуализации эмпирической информации и переосмысления происходящих в стране демографических процессов.

Для Финляндии особо актуальной представляется проблема неравномерности демографического развития в условиях кризиса. С одной стороны, это одна из немногих сравнительно крупных по территории стран Европы и при этом слабо (и крайне неравномерно) заселённая, её главные центры расположены резко асимметрично, в основном на окраинах государственной территории. Значительная часть территории располагается в Заполярье, а также на островах Балтийского моря. Финляндии присущи резкие демографические контрасты; сдвиги в размещении населения здесь обладают гораздо большим пространственным размахом, чем в малых и густонаселённых странах Западной Европы. Это касается и типичных для высокоурбанизированной страны центростремительных тенденций [1]. С другой стороны, в условиях кризиса демографическая бедность становится источником и новых угроз для страны – запустение обширных территорий, ослабление контроля над геопространством и др. Указанные особенности усиливают привлекательность Финляндии для демографического изучения.

Исследование внутренних особенностей демографического развития возможно с использованием инструментария геодемографии. По определению Г.М. Фёдорова, геодемография – «научная дисциплина, развивающаяся на стыке ряда общественных наук... Она обеспечивает комплексное изучение региональных особенностей демографических процессов в их обусловленности как внутренними (демографическими), так и внешними (экономическими, расселенческими, социальными, этническими, экологическими, политическими) факторами» [14, с. 7]. Э.Л. Файбусович и С.Ю. Корнекова подчёркивают важность для научных геодемографических исследований «лично полученных результатов, социологических методов и т.д.». По мнению процитированных авторов, «оригинальные выводы можно было бы получить, более глубоко изучив влияние природных, экономических, культурных и иных условий на специфику региональных демографических процессов» [12, с. 32]. В понятийном аппарате геодемографии центральное место занимает категория геодемографической обстановки. Г.М. Фёдоров определяет её как «совокупность отношений между демографическими и всеми прочими компонентами региона. Она соединяет его экономическую, социальную, расселенческую и другие функциональные подсистемы (этносистему, социоэкосистему) с демографической и включает демографические процессы и структуры, а также экономико-, социально-, расселенческо-, этно-, эколого-демографические связи (отношения)» [14, с. 10]. Вопросы методики геодемографического районирования затронуты в процитированной статье Г.М. Фёдорова (применительно к России); эти же проблемы более детально рассматривались М.Н. Куница [7].

Демографическое развитие Европы – предмет неизменного интереса как российских, так и зарубежных исследователей. Один из главных сюжетов – нарастание в макрорегионе упомянутых в начале раздела негативных демографических тенденций с точки зрения глобальных демографических теорий [5; 9; 13 и др.]. Ряд исследований посвящён характеристике региональных демографических тенденций в странах Северной Европы [21, 38]. Важной темой в научных исследованиях стали демографические последствия пандемии COVID-19 [2 и др.]. Другой популярный сюжет – миграционные процессы, интерес к которым резко возрос под влиянием «миграционного кризиса» середины 2010-х гг. [11; 16; 26 и др.]. Есть и работы, посвящённые миграционным процессам в Северной Европе [3; 9].

Понятно, что наибольшее внимание проблемам демографического развития Финляндии уделяется учёными из этой страны. В их работах рассмотрены новейшие тенденции демографического развития как страны в целом [22; 25], так и её регионов [23], миграций населения [19; 24 и др.]. Недавний выпуск географического журнала *Fennia* был целиком посвящён актуальной для Финляндии и её соседей проблеме сужения освоенного

пространства периферийных районов [17]. В русскоязычной литературе исследований, связанных с демографическим развитием Финляндии, по оценке автора, не очень много. В частности, отметим статьи В.Л. Мартынова с соавторами [1; 8], Ю.М. Килина [4] и др. Из близких по тематике трудов можно выделить довольно многочисленные статьи о проблемах урбанизации и управления пространственным развитием (в особенности городским). Геодемографические различия в русскоязычных работах рассматриваются крайне редко, особое внимание уделяется лишь столице. Демографическое развитие Финляндии также описывается в рамках изучения более обширных территорий. Особо отметим здесь многочисленные труды калининградских географов, многие годы плодотворно изучающих Балтийский регион, не в последнюю очередь – в демографическом аспекте [6; 15 и др.].

В целом, можно отметить недостаточную изученность пространственной неравномерности демографического развития Финляндии в условиях демографического кризиса второй половины 2010-х – начала 2020-х гг.

Материалы и методы

Основным методом исследования, применявшимся в работе, был статистический. Также использовались методы картографической, описательной, типологизации и районирования. Источниковую базу работы составили банки данных национальной статистической службы Финляндии (Tilastokeskus), а также других североевропейских стран [27–37]. Они содержат детальную (в том числе в территориальном разрезе), многообразную, а также регулярно и оперативно актуализируемую информацию о населении страны за длительные временные периоды.

Для характеристики территориального разнообразия демографического развития Финляндии был выбран типологический подход. Критериями типологизации низовых административно-территориальных единиц (АТЕ) – коммун – служили вектор демографического развития (рост или сокращение численности населения) и соотношение компонентов динамики численности населения – естественного прироста и миграции. Для территорий, теряющих население, учитывался также масштаб убыли – умеренная (среднегодовой общий прирост менее -1% в год) или высокая (ниже -1%).

Банк статистических данных для типологизации составили сведения о компонентах изменения численности населения коммун за период с 2016 по 2022 гг. – временной отрезок, когда в Финляндии в страновом масштабе наблюдался перевес смертности над рождаемостью. Помимо прочего, использование такого временного интервала (7 лет) позволило нивелировать случайные колебания демографических показателей. В стране немало коммун с крайне малочисленным населением. В 52 коммунах население составляет менее 2000 человек, в том числе в 6 – менее 500 (2022 г.). Понятно, что число демографических событий в таких АТЕ за год будет крайне невелико. Судить о происходящих на такой малой территории процессах необходимо по более длительному временному интервалу. Для выявления черт динамики демографического процесса также использовались укрупнённые интервалы (за 1991–1995 и 2018–2022 гг.).

Результаты исследования

Кризисные черты демографического развития. В начале XXI в. в Финляндии продолжается снижение темпов демографического роста. Динамика численности населения страны в последние 50 лет имеет неравномерный, волнообразный характер: отчётливо выделяются четыре волны с нижними экстремумами в 1976–1978, 1987, 2000–2002 и 2018 гг. После прохождения этих пиковых значений следовал рост населения, однако после 2002 г. подъём оказался гораздо слабее, чем в предыдущие десятилетия; линия тренда после относительной стабилизации в 80-е – 90-е гг. вновь приобрела нисходящий вид. Экстремум 2018 г. (годовой прирост $-0,09\%$) был гораздо ниже, чем предыдущие. Интересно, что даже в пандемийном 2020 г. темпы роста оказались выше, чем в 2018 г. (рис. 1).

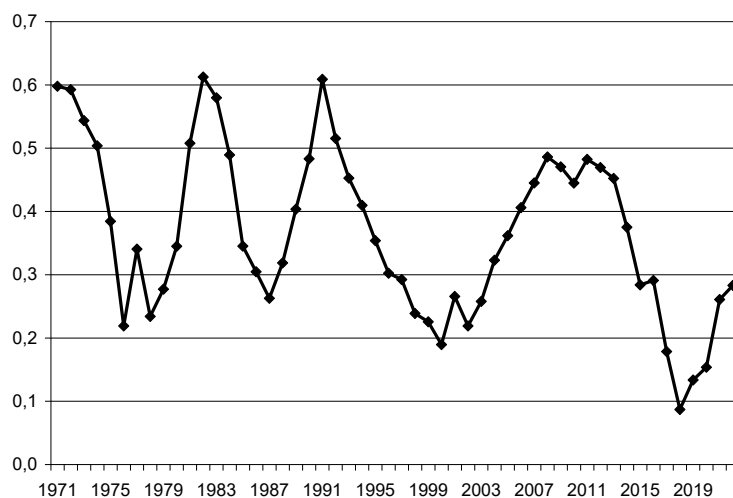

Рис. 1. Темпы прироста населения Финляндии в 1971–2022 гг., %. Подсчитано по данным [31]

Fig. 1. Population growth rate in Finland in 1971–2022, %. Calculated based on data from [31]

Постепенное снижение темпов роста населения определяется уменьшением темпов ЕП. К 70-м годам XX в. население Финляндии вступило в четвёртую фазу демографического перехода. Смертность к этому времени практически стабилизировалась (не выходя в последующие несколько десятилетий за пределы интервала 9–10 ‰), несмотря на прогрессирующее старение населения. Его эффект, по-видимому, нивелировался ростом продолжительности жизни под влиянием наступающей четвёртой стадии эпидемиологического перехода. Дальнейшие изменения ЕП, таким образом, определялись в основном меняющейся рождаемостью. До начала 80-х гг. она стабильна и даже имеет тенденцию к неустойчивому росту (сказывалось вступление в репродуктивный возраст многочисленных «бэби-бумеров», родившихся в конце 40-х гг.). Однако уже к середине 80-х гг. эта довольно слабо выраженная «демографическая волна» идёт на спад, и рождаемость постепенно снижается. В динамике данного процесса за последние 50 лет также можно выделить несколько периодов:

1) середина 80-х – середина 90-х гг. – первая волна снижения ЕП, особенно проявившаяся в 80-е гг.; на этом фоне набирают силу признаки «второго демографического перехода» (быстрый рост доли внебрачных рождений, распространение альтернативных форм семьи и т.д.);

2) 2-я половина 90-х – середина 2000-х гг. (новое снижение ЕП до уровня 1,2–1,5 ‰);

3) 2-я половина 2000-х гг. (кратковременная стабилизация и даже некоторое увеличение ЕП – в 2009 г. последний раз было зафиксировано значение общего коэффициента естественного прироста (ОКЕП) на уровне 2,0 ‰);

4) 2010-е – 2020-е гг. (быстрое снижение темпов ЕП с переходом с 2016 г. в устойчивую и постоянно возрастающую естественную убыль). Здесь особенно резко проявилось себя сокращение рождаемости. В предыдущие три периода суммарная рождаемость медленно и неустойчиво повышалась, хотя из-за набирающего силу старения населения ЕП всё равно снижался. За последние же 12 лет рождаемость буквально рухнула (СКР снизился с 1,87 в 2010 г. до 1,32 в 2022 г. [35]). Кроме того, в последние несколько лет впервые с 70-х гг. заметно выросла и смертность.

Отметим, что долгосрочные тенденции рождаемости и смертности почти не были поколеблены пандемией COVID-19. В постпандемийном 2022 г. зафиксировано минимальное значение ОКР и СКР за весь период статистического наблюдения (т.е. с середины XVIII в.) и значение ОКС, максимальное за период со второй половины 1940-х гг.

Обозначившийся во второй половине 2010-х гг. вектор демографических изменений заметно выделил Финляндию из других североевропейских стран. У соседей понижение ЕП либо совершенно не фиксируется, либо данная тенденция выражена очень слабо. Резкий «провал» 2022 г., напротив, проявился во всём регионе. Однако ЕП в других странах Северной Европы остаётся хоть и крайне низким, но положительным, лишь в Дании в 2022 г. отмечена незначительная естественная убыль. Таким образом, Финляндия стала региональным лидером новой волны демографического спада, который произошёл главным образом под влиянием резкого снижения рождаемости. Ранее она меньше выделялась из североевропейского тренда; в отдельные периоды, в частности до середины 60-х гг. (а также в конце 70-х – середине 80-х гг.), по коэффициенту ЕП Финляндия уступала только Исландии.

В наименьшей степени падение рождаемости проявилось на Аландских островах – по мнению финских исследователей, демографическое развитие автономии следует в большей степени скандинавским тенденциям, нежели тем, которые характерны для материковой Финляндии [25].

Причины снижения рождаемости однозначного объяснения пока не получили. Х. Хийламо отметил некоторую «загадочность» снижения рождаемости в стране после 2008 г. По мнению учёного, современные теории рождаемости не в состоянии удовлетворительно объяснить данный феномен [32]. А. Роткирх предполагает, что источник проблемы – неблагоприятное сочетание во времени нескольких факторов (экономических, демографических, социальных [25]). Роль «спускового механизма» для них сыграло ухудшение экономического положения под влиянием глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

На режим воспроизводства населения Финляндии некоторое влияние оказывает этнический фактор, что связано с широкомасштабной иммиграцией. Демографическая ситуация у автохтонного населения наиболее сложна, и приток мигрантов способствует некоторому смягчению демографических проблем страны. Так, уровень рождаемости у всех крупных иммигрантских этнических групп заметно выше, чем у финнов (даже у русских и эстонцев), несмотря на то что снижение рождаемости характерно и для приезжего населения (рис. 2). Впрочем, влияние иммигрантов на уровень рождаемости весьма ограниченное и проявляется лишь в первом поколении. У детей приезжих, родившихся в Финляндии, данная особенность репродуктивного поведения почти утрачивается [25].

Выделенные демографические тенденции отличаются заметной пространственной неоднородностью. Градиент снижения темпов ЕП направлен с юго-запада на северо-восток; отмечаются также внутрорегиональные различия соотношения рождаемости и смертности. Значительная (хотя и меньшая) часть территории Финляндии сохраняет положительный ЕП. Наиболее ярко данная особенность проявляется в столичном регионе (объединяет четыре смежные коммуны области Уусимаа – Хельсинки, Кауниайнен, Вантаа и Эспоо) и в области Северная Остроботния (г. Оулу и несколько соседних с ним коммун). В целом на западе и юго-западе Финляндии кризисные демографические тенденции выражены относительно слабо, исключением является лишь область Сатакунта. Напротив, с наибольшей силой демографический кризис проявляется на востоке страны. Эпицентр кризиса локализуется в восточной части Озёрной Финляндии – в смежных областях Южное Саво, Северная Карелия, Южная Карелия, Кюменьлааксо и Кайнуу (рис. 3).

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

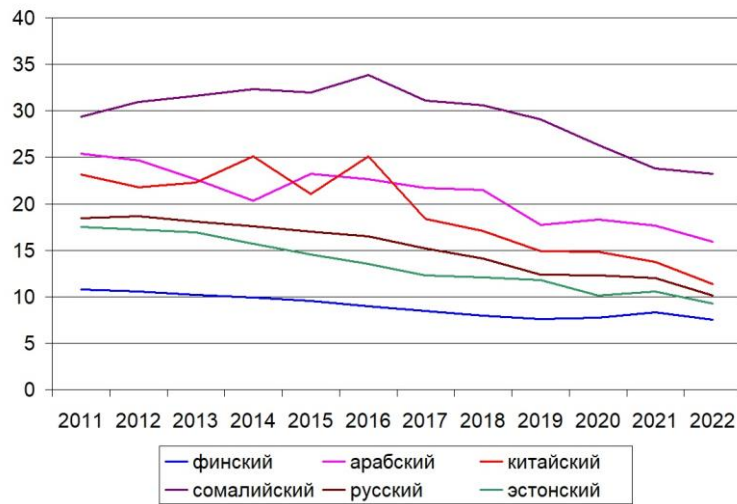

Рис. 2. Межэтнические различия общего коэффициента рождаемости (по данным о родном языке матерей; ‰).
Подсчитано по данным [34]

Fig. 2. Interethnic differences in the birth rate (according to data on mothers' native language; ‰).
Calculated based on data from [34].

Отмеченные различия во многом предопределяются территориальной неоднородностью возрастного состава населения. Суммарная рождаемость (не зависящая от возрастного состава) минимальна на юге страны – от Варсинайс-Суоми на западе до Северной Карелии на востоке – и возрастает по мере движения на север и запад (максимальна она на западе страны – в Остроботнии). Однако различия в возрастном составе нивелируют и деформируют данный эффект, поэтому с точки зрения ЕП внутристрановые различия выглядят по-иному.

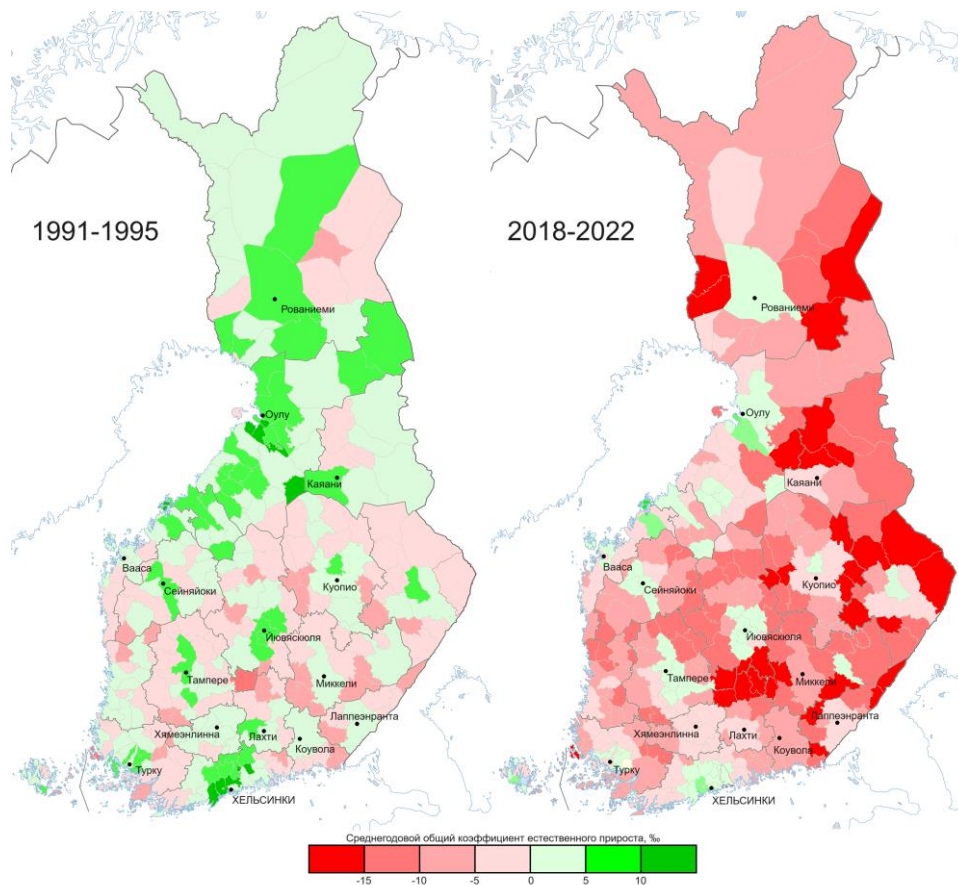

Рис. 3. Территориальные различия естественного прироста.
Среднегодовые общие коэффициенты ЕП подсчитаны по данным [36]

Fig. 3. Territorial differences in natural increase. Average annual rates of natural increase calculated based on data from [36]

На региональном уровне также отмечается определённая неоднородность. В соответствии с центр-периферийной моделью, областные центры с ближайшим окружением, как правило, характеризуются наиболее слабым проявлением демографического кризиса (рис. 2). Впрочем, активное развитие пригородов и городов-спутников приводит к тому, что ЕП порой максимизируется не в областном центре, а в его окружении. Яркая особенность проявляется в области Уусимаа. Здесь демографическое благополучие столичного региона обеспечивается его наиболее быстрорастущими окраинными городами-коммунами (Эспоо, Вантаа), а ЕП собственно в городе Хельсинки даже ниже среднеобластного уровня. Лишь на Аландах с их малочисленным населением уровень ЕП в административном центре существенно ниже, чем на окраинах.

Таким образом, внутривнутригосударственные геодемографические различия способствуют смещению демоцентра Финляндии в юго-западном направлении.

Миграционный фактор геодемографического развития. В XXI в. население страны растёт преимущественно (с 2016 г. – исключительно) за счёт притока внешних мигрантов. Финляндия стала страной иммиграции с начала 1980-х гг., и с этого времени суммарная нетто-миграция составила около 408 тыс. человек. Миграционный приток, довольно неустойчивый и небольшого масштаба в 80–90-е гг., значительно возрос в 2000-е гг., особенно в конце 2010-х гг.

К началу 2023 года в стране проживало 476,9 тыс. уроженцев иностранных государств. Состав мигрантов меняется: если в 1980–1990-е гг. в структуре иммиграции преобладали лица европейского происхождения (в составе которых значительную долю составляли выходцы из стран бывшего СССР), то в XXI в. всё большим становится удельный вес азиатов и африканцев (табл. 1).

Таблица 1

Иммигрантское население Финляндии в XXI в. [32]
The immigrant population of Finland in the 21st century [32]

Территория рождения	2000		2022	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Всего	5181,1	100	5564,0	100
Всего родившихся за пределами Финляндии	136,2	2,6	476,9	8,6
Европа	96,4	1,9	256,9	4,6
Бывший СССР	32,9	0,6	63,9	1,1
Эстония	7,8	0,1	47,2	0,8
Россия	2,6	0,2	20,5	0,4
Швеция	28,0	0,5	33,9	0,6
прочие страны	25,1	0,5	91,4	1,7
Африка	9,5	0,2	45,6	0,8
Азия	18,6	0,4	138,3	2,5
Прочие регионы мира	6,9	0,1	36,1	0,7

В XXI веке наблюдается интерференция двух тенденций. С одной стороны, увеличивается численность и разнообразие структуры европейского по происхождению населения, что является отражением усиления подвижности населения внутри макрорегиона. Главную роль в ней продолжает играть ближайшее окружение Финляндии – Швеция, Эстония и Россия. Для двух последних стран фактором притягательности является более высокий уровень жизни в Финляндии, а также этнокультурная близость. Для эстонцев это близость языка к финскому. Немалую часть выходцев из России и Эстонии составляют финны-ингерманландцы, а также потомки ассимилированных российских финнов. Среди выходцев из Швеции, вероятно, значительную часть составляют потомки уроженцев Финляндии – до 80-х гг. она была страной эмиграции, и наиболее крупная группа эмигрантов направлялась именно в Швецию. И сейчас в этой стране живут многочисленные выходцы из Финляндии (на 2023 г. – 178 тыс. человек, что существенно больше числа проживающих в Финляндии уроженцев Швеции).

Вторая тенденция – резкое усиление иммиграции из-за пределов европейского макрорегиона, главным образом из стран Азии и Африки. Этот компонент внешней миграции стремительно набрал силу в 2010-х гг., став частью общеевропейского «миграционного кризиса». Как следствие, быстрое складывание многочисленной и весьма пёстрой по составу полиэтнической группы иммигрантского населения. Наибольшее количество переселенцев происходит из самых крупных по демографическому потенциалу стран соответствующих макрорегионов, а также из стран, отличающихся наиболее бедственным социально-экономическим положением (рис. 4).

Рост иммиграции находится в рамках общеевропейского тренда. Всё же эти черты «третьего демографического перехода» (по Д. Коулмэну) пока проявляются в Финляндии относительно слабо. Так, в Исландии удельный вес иммигрантов достигает 21,5 % [29], в Швеции – 20,4 % [37], в Норвегии – 16,0 % [28], в Дании – 13,1 % [27] населения (2023 г.). Из общей численности иммигрантов, проживающих в пяти североевропейских странах, на долю Финляндии приходится лишь 11 %. Рассматривая Финляндию как часть одного из мировых центров притяжения иммигрантов, её всё же следует отнести к окраинной части этого центра, притягательность которой сравнительно слаба. Связано это, по-видимому, с экономическими факторами. Так, по величине душевого ВВП Финляндия занимает последнее место в североевропейской «пятерке», почти вдвое уступая Норвегии. Играет роль также окраинное и несколько изолированное положение страны в пределах Европы.

Экономическая, социальная и политическая география

Ступин Ю.А.

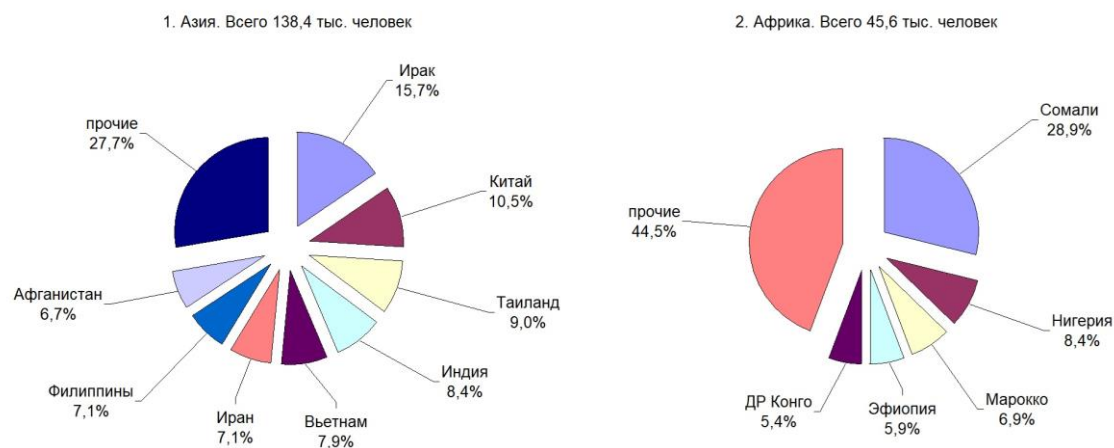

Рис. 4. Распределение мигрантов азиатского и африканского происхождения по странам рождения на конец 2022 г.

По данным [32]

Fig. 4. Distribution of migrants of Asian and African origin by country of birth at the end of 2022.

According to data from [32]

Приезжее население характеризуется резко концентрической территориальной организацией. Главным центром притяжения иммигрантов является столичный регион, в его четырёх коммунах сосредоточено 46,2 % иммигрантского населения, и здесь они составляют 20,4 % населения (на конец 2022 г.), причём в спутниковой зоне столичной агломерации (Вантаа и Эспоо) этот показатель несколько выше [32]. Другими сравнительно крупными центрами сосредоточения иммигрантского населения являются города Турку и Тампере, а также Аландские острова. На Аландах значительный удельный вес переселенцев (19 %) во многом объясняется малочисленностью местного населения. Наиболее крупной иммигрантской группой (около половины от общей численности) здесь являются уроженцы Швеции, близкой к островам в географическом и этнокультурном отношении; афро-азиатского населения на архипелаге сравнительно немного.

Важная особенность демографического развития Финляндии – масштабная и постоянно растущая внутренняя миграция: если в 1-й половине 1990-х гг. её оборот (только по межкоммунальным перемещениям) составлял в среднем около 350 тыс. человек в год, то в 2018–2022 гг. – уже почти 590 тыс. [36]. Пространственные особенности внутренней миграции сформировались давно и к 2020-м гг. существенных изменений не претерпели. В пределах Финляндии можно выделить три *центра притяжения внутренних мигрантов национального значения*: таковыми предсказуемо являются крупнейшие агломерации – Хельсинки, Турку и Тампере. Приток мигрантов сюда максимален; они привлекают переселенцев со всей территории страны и из-за её пределов. Как видно, все они расположены на юго-западе республики. Территориальные масштабы этих центров сравнительно невелики – окраинные районы даже подстоличной области Уусимаа (за пределами агломерации Хельсинки) характеризуются миграционным оттоком. Выделяется также группа *центров притяжения мигрантов регионального значения*, к которым в материковой Финляндии в основном можно отнести наиболее многолюдные, преимущественно университетские города. Это Хямеэнлинна, Лахти, Сейняйоки, Оулу, Йювяскюля, Куопио, Йюэнсуу, Рованиemi, Инари. На Аландах таким центром выступает коммуна Йомала, прилегающая с севера к Мариехамну, в которую расширяющийся региональный административный центр со временем и «прорастает» [8, с. 129]. В центрах регионального значения приток мигрантов значительно слабее, их территория большей частью ограничивается одной коммуной, реже – двумя-тремя смежными; мигранты здесь происходят в основном из ближайшего окружения – одной-двух областей. Как видно, число таких центров невелико, они есть далеко не в каждой области.

Центры притяжения внутренних мигрантов национального значения одновременно являются и главными местами концентрации иммигрантского населения. В то же время потоки иностранных переселенцев в большей степени сосредоточены в центральных частях крупнейших городов страны. Окраинные части центров притяжения мигрантов привлекают в основном финляндцев. В миграционном приросте Тампере роль внешней миграции невелика.

Потоки внутренней миграции в 2020-е гг. стали более концентрированными, чем в конце XX в. Особенно это заметно в центрах национального значения, которые ранее были более территориально обширными. Тем не менее общее количество центров регионального значения по сравнению с 1990-ми гг. несколько возросло: Лахти, Куопио, Рованиemi, Инари в конце прошлого века характеризовались слабым притоком мигрантов или даже миграционной убылью. Несколько снизилось значение Оулу – в 1990-х гг. этот город по масштабам миграции приближался к центрам национального значения.

Остальная часть территории страны, охватывающая 77 % её площади, является зоной миграционного оттока. На небольшой части этой территории (около 8 % площади Финляндии) отрицательное сальдо внутренней миграции компенсируется притоком иммигрантов; в большинстве случаев, однако, суммарная (внутренняя и внешняя) положительная нетто-миграция на таких территориях крайне незначительна по масштабу.

Таким образом, самые крупные потоки миграции, как внутренней, так и внешней, направлены в южную часть страны, в первую очередь, в столицу, и в годы демографического кризиса данная тенденция качественно усилилась. Под влиянием этого фактора становится более выраженной южная составляющая дрейфа демоцентра Финляндии.

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

Геодемографическая типология и районирование Финляндии. Приведённые выше количественные данные показывают, насколько неравномерно проявляет себя демографический кризис, обозначившийся в Финляндии в середине 2010-х гг. Дополнительно усложняет картину влияние миграционного фактора, действие которого также демонстрирует значительную пространственную неоднородность. В результате на территории страны формируется мозаичная, поляризованная геодемографическая обстановка, и указанная особенность обусловлена разнообразным сочетанием факторов – естественного движения, внешней и внутренней миграции. Для обобщения этих различий целесообразно использовать методы типологизации (рис. 5) и районирования. Автором выделено 2 типа, 4 подтипа и 11 типологических групп низовых АТЕ Финляндии:

Тип I. Демографически благополучные

Подтип 1. Бифакторные

1.1. Растущие преимущественно под влиянием естественного прироста (ЕП);

1.2. Растущие преимущественно под влиянием миграции, в первую очередь внутренней;

1.3. Растущие преимущественно под влиянием миграции, в первую очередь международной.

Подтип 2. Контрастно-факторные

1.4. Растущие под влиянием ЕП, при наличии миграционного оттока;

1.5. Растущие за счёт миграционного притока (преимущественно внутренних мигрантов), при наличии естественной убыли;

1.6. Растущие за счёт миграционного притока (преимущественно международных мигрантов), при наличии естественной убыли.

Тип II. Кризисные

Подтип 3. Умеренно-кризисные (среднегодовая убыль населения – до 1 % в год)

2.1.1. Бифакторные;

2.1.2. Контрастно-факторные – с естественной убылью, при наличии положительного миграционного прироста;

2.1.3. Контрастно-факторные – с миграционным оттоком, при наличии положительного естественного прироста.

Подтип 4. Острокризисные (среднегодовая убыль населения – более 1 % в год)

2.2.1. С доминирующей ролью естественной убыли;

2.2.2. С доминирующей ролью миграции.

В подтипе 4 специально не выделялись контрастно-факторные коммуны, т.к. такие АТЕ встречаются в порядке редчайшего исключения.

Распределение коммун по выделенным типологическим группам автором отображено на рис. 5.

Анализ пространственного распределения коммун различных типологических единиц показывает, что АТЕ, характеризующиеся демографическим ростом, концентрируются в двух частях страны. Сравнительно крупные группировки коммун первого типа формируются из крупных городов и их ближайшего окружения. Примеров, когда демографическое развитие территории определялось бы в первую очередь соотношением рождаемости и смертности, крайне мало, это буквально единичные случаи, которые дают исключительно небольшие по территории и численности населения АТЕ. Как правило, демографический рост обеспечивается притоком мигрантов. В столичном регионе доминирует внешняя миграция; в Туркусской и Тамперской агломерациях, в окружении Хельсинки – внутренняя.

Ещё один сравнительно крупный район концентрации коммун с благоприятной геодемографической обстановкой находится на западе страны, в прибрежной части исторической области Остроботния. Почти все коммуны, относящиеся к типу I, сосредоточены в узкой береговой полосе, причём значительные по размеру группировки такие АТЕ образуют лишь в двух местах – в районе гг. Оулу и Вааса. На остальном участке остроботнийского побережья растущие коммуны расположены попеременно с кризисными.

Во внутренних районах страны демографически благополучные коммуны образуют лишь небольшие «острова». Как правило, это города со значительной людностью, иногда (для более крупных городов) с ближайшим окружением. Общее число их весьма невелико. Сельские коммуны такого типа встречаются в порядке редкого исключения. Остальная часть континентальной Финляндии – кризисные территории, постепенно утрачивающие демографический потенциал. Чаще всего это острокризисные коммуны; среди них резко преобладают территории группы 2.2.1. АТЕ, где ведущей движущей силой демографической убыли выступает миграционный отток, весьма немного, они сосредоточены в основном на западе, образуя полосу, протянувшуюся с севера на юг параллельно побережью Ботнического залива к западу от гряды Суоменселькя, образуя что-то вроде переходной зоны к демографически благополучной прибрежной полосе. Эта территориальная группа отличается сравнительно невысоким уровнем естественной убыли, поэтому там на первый план выходит миграция.

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

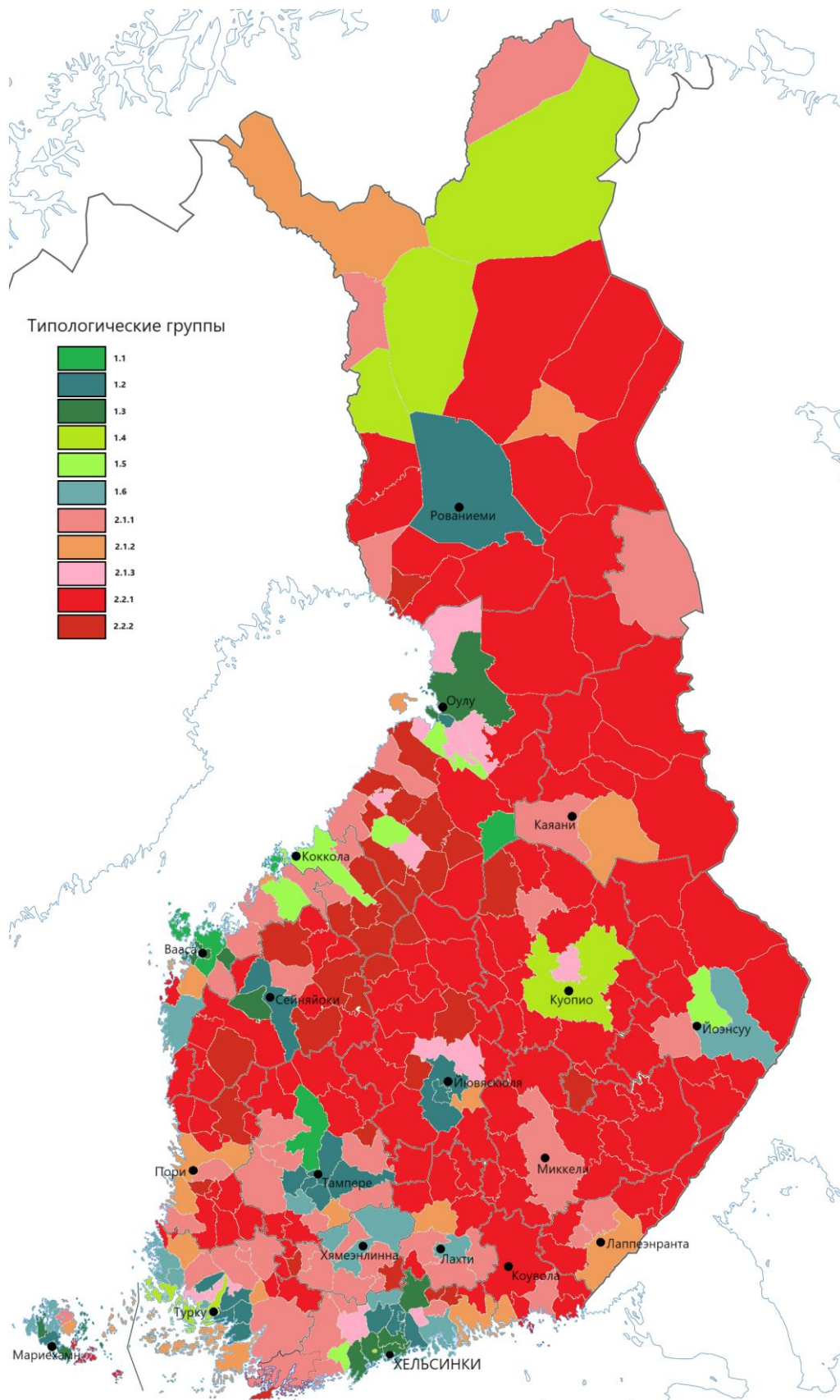

Рис. 5. Геодемографическая типология коммун Финляндии
Fig. 5. Geodemographic typology of Finnish municipalities

Территории, где проявляет себя демографический кризис, нередко встречаются и на юго-западе. Однако в этой части страны чаще можно видеть территории с умеренной убылью, острокризисных значительно меньше. Такие особенности можно наблюдать на окраинах областей, которые выступают своеобразными «антиподами» активно растущих крупных региональных городских центров.

Для характеристики пространственной неоднородности демографического развития Финляндии разработана схема геодемографического районирования страны. Автором использована методика М.Н. Куница, предполагающая выделение микрорайонов, отличающихся относительно однородными показателями динамики численности, естественного и миграционного движения, структуры населения, расселенческо-демографических отношений; районов – на основании выделения доминирующего типа геодемографической структуры (ГДС); мезорайонов – на основе доминирования одного типа в сочетании нескольких сходных типов ГДС; макрорайонов, характеризующихся общим генеральным трендом геодемографического развития [7].

В пределах Финляндии автором выделены геодемографические районы и мезорайоны. Районы определялись на базе АТД первого уровня (области). Районирование производилось на основе следующих показателей: общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного и миграционного прироста (с разделением на внутренний и внешний компоненты) [36]; особенности возрастной структуры (через показатель среднего возраста населения) [30]; ожидаемая продолжительность жизни [33]. Для показателей естественного и миграционного движения рассчитывались средние значения за период 2016–2022 гг., для показателей среднего возраста и продолжительности жизни использовались данные на конец 2022 г. На основе полученных данных производилась группировка областей путём кластерного анализа с использованием метода К-средних. Исходя из принципа территориальной непрерывности районов, разобщённые области, попавшие в один кластер, рассматривались как разные районы. Всего в результате анализа выделено 4 мезорайона и 11 районов:

Мезорайон I. Южный.

I.1. Уусимаа

I.2. Тампере-турку-аландский;

Мезорайон II. Остроботнийский (без выделения районов)

Мезорайон III. Внутренняя Финляндия

III.1. Канта-Хяме

III.2. Пяйят-Хяме

III.3. Сатакунта

III.4. Западно-Центральный (области Южная Остроботния, Центральная Финляндия, Северное Саво)

III.5. Кюми – Южное Саво (области Южное Саво, Кюменьлааксо)

III.6. Карельский

III.7. Кайнуу;

Мезорайон IV. Лапландский (без выделения районов).

Ниже приводятся краткие характеристики каждого из районов и мезорайонов (рис. 6).

Мезорайон I (Юго-Западный) объединяет три области материковой Финляндии (Уусимаа, Варсинайс-Суоми, Пирканмаа) и Аландскую автономию. Характеризуется доминированием ГДС с повышенной продолжительностью жизни, сравнительно молодым населением, положительным (хотя и невысоким) естественным приростом. Специфика возрастного состава несколько нивелирует эффект крайне низкой суммарной рождаемости – здесь её значения самые низкие в стране. На территории мезорайона расположены три крупнейшие городские агломерации страны, благодаря чему территория является аккумулятором крупнейшего числа внутренних мигрантов и абсолютного большинства иммиграционного притока. Всё перечисленное обеспечивает мезорайону наиболее прогрессивный демографический тренд.

Район I.1 (Уусимаа) соответствует самой густонаселённой подстоличной области, сосредотачивающей 30 % населения страны, причём концентрация эта постоянно возрастает. Геодемографическая обстановка здесь наиболее благоприятна, что обеспечивается молодым (по меркам Финляндии) возрастным составом населения, повышенной рождаемостью, низкой смертностью, положительным ЕП, а также масштабной миграцией, в первую очередь внешней, стремящейся в крупнейший город страны с наиболее развитой экономикой. Роль иммиграции особенно заметна в спутниковой зоне Хельсинки. Вследствие концентрации больших масс населения иностранного происхождения на режим воспроизводства населения оказывает влияние этнический фактор. Продолжительность жизни близка к средней по стране. Благоприятное сочетание факторов обеспечивает области устойчивый рост населения с темпом немногим менее 1 % в год. Центр-периферийные контрасты выражены довольно резко (особенно в широтном направлении), окраины Уусимаа в демографическом отношении мало отличаются от периферии любой другой области.

Район I.2 (Тампере-Турку-Аландский) объединяет остальные три региона Юго-Запада. Здесь благоприятные черты демографической обстановки выражены слабее, чем в Уусимаа. Возрастной состав близок к среднему по стране, продолжительность жизни повышенная, а на Аландах – самая высокая в Финляндии (83,5 года). Рождаемость чуть ниже средних значений, ОКС примерно на среднем для страны уровне. Наблюдается естественная убыль, но величина её небольшая, и она замещается масштабным притоком мигрантов.

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

Рис. 6. Геодемографическое районирование Финляндии
Fig. 6. Geodemographic zoning of Finland

В структуре миграции преобладает внутренняя, однако в Варсинайс-Суоми и на Аландах на первый план выходит иммиграция. Контрасты между центром и окраинами особенно сильно выражены в Пирканмаа, в Варсинайс-Суоми – слабее. На Аландских островах картина довольно пёстрая, но в целом можно отметить тенденцию «стягивания» населения на Главный Аланд. Негативные тенденции, в свою очередь, более всего выражены на Внешних Аландах – небольших островках, расположенных между Главным Аландом и материком.

Мезорегион II (Остроботния) объединяет три области западной части страны. Эти регионы, несмотря на значительные геодемографические различия на коммунальном уровне, в целом демонстрируют черты близкого сходства, и по этой причине данная территория рассматривается как единый район. ГДС отличается противоречивостью. С одной стороны, здесь наблюдается самая высокая в стране рождаемость, пониженная смертность и положительный естественный прирост. Кроме того, район отличается повышенной продолжительностью жизни и более молодым, чем в целом по стране, населением. Повышенная рождаемость в мезорайоне в значительной степени объясняется религиозным фактором, а именно влиянием лестадианства – консервативного направления в лютеранстве, выступающего против ограничения рождаемости. Хотя лестадианцев немало по всей Финляндии (именно в этой стране сосредоточена основная масса последователей движения), в наибольшей степени их влияние ощущается в Остроботнии [40]. В литературе детально описан феномен коммуны Ларсмо [18], где лестадианцы составляют порядка 40 % населения. Рождаемость здесь и сейчас превышает смертность

более чем в 4 раза, а численность населения с 1990 г. выросла в 1,5 с лишним раза. В мезорегиональном масштабе отличия, конечно, проявляются не столь ярко, и со временем значимость религиозного фактора ослабевает, тем не менее особые черты режима воспроизводства населения Остроботнии сохраняет донныне. Мезорегион характеризуется незначительностью миграции – эффект от притока существенного числа иммигрантов практически полностью гасится за счёт оттока внутренних переселенцев. В итоге наблюдается прогрессивный демографический тренд, но выражен он значительно слабее, чем на юго-западе, и обеспечивается в основном его северной частью, находящейся под сильным влиянием большого города Оулу. Благоприятные черты демографической обстановки сильнее прослеживаются в прибрежной полосе, по мере движения вглубь континента они ослабевают.

Мезорегион III (Внутренняя Финляндия) охватывает остальную часть страны, выходя на морское побережье на западе в области Сатакунта, на побережье Финского залива – на узком участке в районе Котка – Хамина. На территории доминирует тип ГДС с низкой рождаемостью, высокой смертностью, значительной и почти повсеместной естественной и миграционной убылью. Из-за оттока молодёжи значимой проблемой становится старение населения (в отдельных коммунах средний возраст превышает 55 лет), продолжительность жизни пониженная. Для мезорегиона характерен устойчиво регрессивный демографический тренд, выраженность которого по мере углубления демографического кризиса будет усиливаться. Ход кластерного анализа продемонстрировал гомогенность мезорайона, различия между геодемографическими районами здесь выражены довольно слабо. Есть на данной территории районы-«близнецы» друг друга, которые отнесены к разным единицам районирования только из-за отсутствия между ними общей границы (в соответствии с принципом территориальной непрерывности района).

Район III.1 (Канта-Хяме) занимает промежуточное положение, «вклиниваясь» между двумя частями мезорегиона I и двумя крупнейшими агломерациями страны. ГДС характеризуется противоречивыми чертами, хотя в целом демографическую обстановку можно определить как умеренно неблагоприятную. Заметно старение населения (средний возраст – 46,1 года), уровень рождаемости пониженный, смертности – повышенный, ЕП отрицательный, умеренного масштаба. Район отличается небольшими масштабами миграционного движения. Внутренняя нетто-миграция отрицательная, но значительная часть миграционного оттока погашается за счёт при-

тока мигрантов из-за границы, хотя данный район привлекает наименьшее количество приезжих. Продолжительность жизни мало отличается от средней по стране. Под влиянием естественной убыли район теряет население, но темпы сокращения умеренные (около 0,4 % в год).

Район III.2 (Пяйят-Хяме). Восточный сосед предыдущего района, по многим чертам схожий с ним. Основная отличительная черта – небольшой масштаб миграционного оттока, с избытком компенсируемый иммиграцией (несмотря на то, что экономически данный район заметно беднее, чем Канта-Хяме). Областной центр большой город Лахти притягивает к себе часть мигрантов, что и ослабляет отток населения. Это способствует некоторому снижению темпов убыли населения (в среднем 0,27 % в год).

Район III.3 (Сатакунта). Занимает самую западную часть Внутренней Финляндии, разделяя своей территорией два демографически благополучных мезорайона. Относится к числу районов с наиболее неблагоприятными чертами ГДС, выражающимися в низкой рождаемости, высокой смертности и естественной убыли, заметном старении населения, пониженной продолжительности жизни, отрицательной внутренней нетто-миграции. Хотя до 70 % миграционной убыли погашается иммиграцией, под доминирующим влиянием естественной убыли Сатакунта теряет до 0,7 % населения в год.

Район III.4 (Западно-Центральный) объединяет области Южная Остроботния, Центральная Финляндия, Северное Саво. ГДС находится под сильным стабилизирующим влиянием двух больших университетских городов – Йювяскюля и Куопио, следствием чего является резкая внутренняя поляризация. Демографическая обстановка характеризуется низкой рождаемостью, повышенной смертностью, естественной убылью умеренного масштаба, старением населения. Продолжительность жизни близка к средней по стране. Особенность района – очень слабый отток внутренних мигрантов, что обусловлено миграционной аттрактивностью больших городов района. Иммиграция с избытком компенсирует небольшую убыль внутренних переселенцев. Тем не менее естественная убыль диктует общее сокращение населения, хотя темпы его и весьма умеренны (0,26 % в год).

Район III.5 (Кюми – Южное Саво) располагается на крайнем юго-востоке страны и отличается наиболее бедственной демографической обстановкой. Этому способствует почти полное отсутствие стабилизирующего влияния городов (Миккели, Коуволла). Уровень рождаемости самый низкий в стране, смертности и естественной убыли – самый высокий. Постарение населения выражено сильнее всего (в Кюменьлааксо средний возраст – 49,5 года), уровень продолжительности жизни один из самых низких в Финляндии (около 80,5 года). Темпы оттока внутренних мигрантов максимальны в стране, хотя порядка 40 % его замещается иммиграцией (сказывается близость российской границы). Территория является старейшим очагом демографического неблагополучия, ещё в первой половине XX в. рост населения в тогдашней губернии Миккели почти прекратился. Промышленность в этой части Озёрного края почти не развивалась, а сельскохозяйственный потенциал ландшафтов был весьма ограничен. Это и вынуждало местное население покидать родину и переселяться в другие части страны. В конце века данный тренд захватил и долину Кюмийоки. В отличие от Миккели, эта территория – один из крупных старопромышленных районов Финляндии. Он сложился ещё во второй половине XIX в., на основе главным образом лесной промышленности, с главными центрами в Коуволла и Котка (р. Кюмийоки служила удобным путём для сплава леса, заготавливаемого в Сайменском бассейне). Обозначившийся к концу XX в. упадок отрасли дал импульс к сокращению населения. Но и сейчас это далеко не бедная часть Финляндии, душевой ВРП здесь выше среднего по стране, она располагается сравнительно недалеко от столицы на важных транспортных путях. Тем не менее оба региона – единственные АТЕ областного уровня, теряющие более 1 % населения в год, причём убыль населения отмечается и в областных центрах.

Район III.6 (Карельский) занимает приграничную полосу юго-востока страны. По основным особенностям ГДС схож с предыдущим районом, хотя негативные черты здесь проявляются несколько мягче. Здесь в 1-й половине XX в. также наблюдалось замедление демографического роста, но в стагнацию и депопуляцию оно всё же не перешло. Промышленность, особенно лесная и металлообрабатывающая, к этому времени получила хоть и ограниченное, но всё же более интенсивное развитие, чем в Миккели. Местные холмистые ландшафты («*vaaga*») более благоприятны для сельского хозяйства, чем Озёрная Финляндия. На сегодня главная отличительная черта района – высокие темпы притока внешних мигрантов, что понятно, учитывая приграничное положение района. Несмотря на то, что иммиграция полностью замещает отток внутренних переселенцев, под влиянием отрицательного ЕП район теряет свыше 0,5 % населения ежегодно. Кроме того, в скором будущем не исключено и существенное ослабление иммиграционной «подпитки» Карелии. Резкое ухудшение российско-финляндских отношений (вряд ли кратковременное), вероятно, будет способствовать сокращению притока иммигрантов.

Район III.7 (Кайнуу) занимает северную, крайне слабозаселённую окраину мезорайона. По особенностям ГДС очень схож с районом III.5 и характеризуется столь же негативными чертами демографической обстановки. Лишь старение населения здесь выражено чуть слабее, чем в районе-«близнеце»; в то же время продолжительность жизни на этой территории самая низкая в Финляндии. Население сокращается с 60-х гг. XX в., и в настоящее время район теряет немногим менее 1 % населения в год. В юго-западной части Кайнуу, в бассейне оз. Оулуярви (где расположен областной центр г. Каяани), негативные тенденции выражены слабее, чем на северо-востоке близ границы с Россией. Тем не менее и региональный центр испытывает убыль населения.

Мезорайон IV (Лапландия) объединяет обширную и крайне слабозаселённую северную часть страны. Длительное время данная территория была главным заселяемым районом Финляндии, однако к середине XX в. приток мигрантов сюда постепенно сошёл на нет, а в 1960-е гг. обозначилось сокращение населения. В настоящее время Лапландия по ключевым особенностям ГДС обрела многие черты сходства с предыдущим мезорайоном. Её можно рассматривать как северное продолжение мезорайона III, отделённое от него «перемычкой» из трёх восточных коммун Северной Остроботнии. Особенно схожа Лапландия с районами III.1 и III.4. ГДС характеризуется пониженной рождаемостью, повышенной смертностью, умеренной естественной убылью, заметным старением населения и пониженной продолжительностью жизни. Внутренняя нетто-миграция отрицательная, но масштабы её невелики, и она полностью компенсируется иммиграцией. Мезорайон теряет население, но умеренными темпами – около 0,4 % в год. Имеются заметные внутренние различия – в северо-западной части, расположенной ближе к шведской и норвежской границам, население либо растёт (Рованиеми, Инари), либо сокращается умеренными темпами. Юго-восточные коммуны страдают от демографического запустения сильнее всего.

Заключение

Таким образом, с 2010-х гг. геодемографическое развитие Финляндии вступило в новый этап, главными особенностями которого стали резкое усиление иммиграции и снижение естественного прироста с переходом в естественную убыль. В условиях наступившего демографического кризиса концентрические тенденции геодемографической трансформации качественно возросли, а полярные черты геодемографической обстановки заметно усилились. Постепенно сужающаяся зона демографического роста локализуется на ограниченных территориях близ южного и западного побережий. Главный полюс демографического роста Финляндии можно обозначить как «южный полумесяц». Он соединяет крупнейшие города страны – Турку, Хельсинки и Тампере – с их окружениями; все эти три города отстоят друг от друга чуть менее чем на 200 км. Второстепенную роль играют такие центры, как Хямеэнлиина, Лахти и Рийхимяки, также входящие в состав «полумесяца». Доминирующую роль в этой триаде играет, конечно, столичный регион. Эти города соединяются между собой сельскими районами, где сохраняется рост населения, хоть и более медленный, чем в городских центрах. Точки роста выстраиваются вдоль полимагистралей (состоящих из железных дорог, автодорог государственного значения и авиалиний), связывающих Хельсинки с Тампере, Турку и Лахти. Если в 1990 г. в пределах «полумесяца» (занимающего около 6 % территории Финляндии) проживало 40,6 % населения страны, то в 2023 г. – 49,6 %. По мере дальнейшего роста естественной убыли (внешняя миграция замещает её в первую очередь в столице) можно ожидать постепенного распада «полумесяца» на отдельные очаги, более крупные вокруг трёх главных центров и более локальные вокруг второстепенных.

Другие полюса демографического роста имеют региональный масштаб, они более территориально ограничены (рис. 5). На западе выделяется оулуцкий полюс (наиболее быстрорастущий из региональных), группа центров Остроботнии (несколько пространственно разобщённых коммун в пределах региона, наиболее значительные – Вааса и Сейняйоки), аландский. Последний включает остров Главный Аланд и ближайшие к нему. В центре страны выделяется йювяскюляский полюс, на юго-востоке – куопиоский, лаппеэнрантаский и йоэнсууский, на севере – рованиемский.

Остальная, резко преобладающая часть страны теряет население. На ряде территорий темпы демографической убыли чрезвычайно высоки. Так, в 24 коммунах за 1990–2022 гг. зафиксировано уменьшение численности населения более чем на 40 % (в т.ч. в одной коммуне даже более чем на 50 %). Ещё в первой половине XX в. рост населения прекратился на юго-востоке страны (Саво и часть Карелии). Затем стагнация стала переходить в сокращение численности населения, а зона убыли постепенно расширяться, в том числе за счёт периферийных районов других частей страны. В 2010-е годы данная территория особенно резко увеличилась, а её центр сместился в северном направлении (области Кайнуу и Лапландия).

Важную специфику геодемографической трансформации Финляндии придаёт локализация столицы (ведущего аккумулятора демографического потенциала) на южной окраине страны. Это, с одной стороны, задаёт направление дрейфа демоцентра Финляндии, противоположного характерному для доиндустриального периода. Тогда (до второй половины XIX в.) центр населённости под влиянием аграрных миграций смещался на северо-восток, в малоосвоенные внутриконтинентальные районы т.н. Природной Финляндии (Luonnon-Suomi). Ключевая особенность последующего периода – радикальный разворот этой точки в направлении на юг, обозначивший «возврат» населения в пределы т.н. Культурной Финляндии (Kulttuuri-Suomi). «Миграцией назад в историю» данный тренд 20 лет назад назвали финские географы [20]. В 2010-е годы под влиянием затухания естественного роста и подъёма миграции он получил новый импульс. Впрочем, в настоящее время демоцентр расположен уже в пределах «южного полумесяца» (в центральной части). Несомненно, в дальнейшем его дрейф в южном направлении (за счёт влияния столицы) сохранится, как и некоторая западная составляющая, но скорость смещения уменьшится (под влиянием Тампере). В русле указанной тенденции также находится усиление черт прибрежности территориальной организации населения Финляндии.

Экономическая, социальная и политическая география
Ступин Ю.А.

Библиографический список

1. Балабейкина О.А., Коробущенко В.Ю., Мартынов В.Л. Оценка уровня урбанизированности территории Финляндии // Региональные исследования. 2023. № 3 (81). С. 81–91. doi: 10.5922/1994-5280-2023-3-7
2. Вакуленко Е.С., Макарова М.Р., Горский Д.И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. № 9 (4). С. 138–159. doi: 10.17323/demreview.v9i4.16747
3. Волков А.М. Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 1 (23). С. 126–142.
4. Килин Ю.М. Некоторые демографические тренды современной Финляндии // Studia Humanitatis Borealis. 2019. № 1 (12). С. 47–57.
5. Клунт М.А. Демография регионов Земли: [события новейшей демографической истории]. СПб: Питер, 2008. 346 с.
6. Кузнецова Т.Ю. Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 41–57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3
7. Куница М.Н. Геодемографическое районирование территории в контексте региональной демографической политики (на примере Юго-Запада России) // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 4. С. 182–186.
8. Мартынов В.Л., Сазонова И.Е. Основные тенденции и проблемы развития Аландских островов // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 122–136.
9. Морозова Н.М., Алымова А.Г., Яковлева Е.С. Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 1. С. 87–96. doi: 10.19181/demis.2021.1.1.10.
10. Рудакова Е.К. Демографический кризис в Европе: типы воспроизводства населения // Власть. 2020. № 5. С. 246–253.
11. Рязанцев С.В., Русу С.В., Медведь В.А. Факторы миграции в страны Евросоюза во время кризиса 2015–2016 годов // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. № 4. С. 19–28. doi: 10.26653/2076-4650-2020-4-02
12. Файбусович Э.Л., Корнекова С.Ю. Перспективы геодемографии как научного направления гуманитарной географии // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145, № 1. С. 31–35.
13. Фальцман В.К. Демографические проблемы Европы и мира // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 5. С. 16–23. doi: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-16-23
14. Фёдоров Г.М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. 2014. № 2 (20). С. 7–28.
15. Фёдоров Г.М., Михайлов А.С., Кузнецова Т.Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 7–27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1
16. Фролов И.Д. Соотношение первого и второго демографического перехода в мире как фактор миграционного кризиса в Европейском Союзе // Вестник КГУ. 2018. № 3. С. 70–73.
17. Depopulation and shrinkage in a northern context: geographical perspectives, spatial processes, and policies. Fennia. 2022. Vol. 200, No. 2.
18. Finnäs F. Fertility in Larsmo: The effect of Laestadianism // Population Studies 1991. No. 45 (2). P. 339–351.
19. Hanell T., Mattila M., Ahvenainen T., Raunio M. Joko lähdet vastahan tulit? Ulkomaalaistaustaisten henkilöiden muuttoliike // Migration-Muuttoliike. 2023. Vol. 49, No. 2. P. 34–41.
20. Heikkilä E., Järvinen T., Jussila H. Migrating back to history? The settlement structure and migration in Finland, a 400 years' perspective // Nordia Geographical Publications. 2003. 31:1. Pp. 55–67.
21. Heleniak T., Gassen N.S. The demise of the rural Nordic region? Analysis of regional population trends in the Nordic countries, 1990 to 2040 // Nordic Welfare Research. 2020. Vol. 5, Iss. 1. P. 40–57. doi: 10.18261/issn.2464-4161-2020-01-05
22. Hiilamo H. Why fertility has been declining in Finland after the Global Recession? A theoretical approach (2019) // Finnish Yearbook of Population Research 54. P. 29–51.
23. Kettunen P., Rauhut D., Juntunen V. Why some municipalities succeed and others do not? // Migration-Muuttoliike. 2020. Vol. 46, No. 2. P. 13–16.
24. Raunio M. Osaamisperusteinen maahanmuutto ja aluellinen eriarvoistus // Migration-Muuttoliike. 2022. No. 48 (1). P. 20–29.
25. Rotkirch A. Syntyvyyden toipuminen ja pitenevä elinikä Linjauksia 2020-luvun väestöpolitiikalle. Helsinki: Valtioneuvoston kanslia, 2021. 177 p. (Valtioneuvoston kanslian julkaisuja 2021:2.)
26. Schneider J. Demographic “Megatrends” and Their Implications // Migration-Muuttoliike. 2018. Vol. 44, No. 3. P. 26–31.
27. Statbank Denmark. Population 1. January by birth month, day of birth, time and country of birth. URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/default.asp?w=1536>
28. Statbank Norway. 05184: Immigrants, by country background, contents, year and sex. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/05184>
29. Statistics Iceland: Statistical database: population and election. Population by country of birth, sex and age 1 January 1998–2023 // URL: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Ibuar/Ibuar__mannfjoldi__3_bakgrunnur__Faedingarland/MAN12103.px
30. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11ra -- Key figures on population by region, 1990–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11ra.px
31. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11rb -- Population and change in population size by sex, 1750–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rb.px
32. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11rp -- Country of birth according to age and sex by region, 1990–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rp.px
33. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12an -- Life expectancy at birth by sex and region, 1990–1992 – 2020–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__kuol/statfin_kuol_pxt_12an.px
34. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12dn -- Live births by sex and mother's age (5-year) and language, 2000–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12dn.px

Экономическая, социальная и политическая география

Ступин Ю.А.

35. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12du -- Total fertility rate and gross reproduction rate by region, 1990–2022 URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12du.px
36. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12dy -- Vital statistics and population by area, 1990–2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12dy.px/
37. Statistiska Centralbyrån. Statistical database. Population by age, year, sex and region of birth. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0101_BE0101E/InrUtrFoddaRegAIKon/table/tableViewLayout1
38. Stjernberg M., Penje O. Population change dynamics in Nordic municipalities – grid data as a tool for studying residential change at local level. Nordregio Report 2019:1. doi: 10.30689/R2019:1.1403-2503
40. Terämä E. Regional Demographic Differences: the Effect of Laestadians // Finnish Yearbook of Population Research. Vol. 45. 2010. P. 123–141.

References

1. Balabeikina O.A. Korobushchenko V. Yu. Martynov V.L. (2023) Assessing degree of urbanization in Finland // *Regionalnye issledovaniya*. No. 3. P. 81–91. doi: 10.5922/1994-5280-2023-3-7 (In Russ.)
2. Vakulenko E. Makarova M. & Gorskiy D. (2022). Reproductive intentions and fertility trends in different countries during the COVID-19 pandemic: an analytical review of studies // *Demographic Review*, 9 (4), pp. 138-159. doi: 10.17323/demreview.v9i4.16747 (In Russ.)
3. Volkov A.M. (2020) Migration flows to Nordic countries // *Vestnik diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*. 1 (23), pp. 123–142. (In Russ.)
4. Kilin Yu. (2019) Some demographic trends of modern Finland // *Studia Humanitatis Borealis*. 1, pp. 47–57. (In Russ.)
5. Klupt M.A. (2008) Demografija regionov Zemli: [sobytiya novejshej demograficheskoy istorii]. – Saint Petersburg. [et al.] : Piter. – 346 p. (In Russ.)
6. Kuznetsova, T. Yu. (2018) Population Change in the Neighbouring Regions of Russia and the European Union States // *Baltic Region*, Vol. 10, no. 3, p. 41–57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.
7. Kunica M.N. (2011) Geodemograficheskoe rajonirovanie territorii v kontekste regional'noj demograficheskoy politiki (na primere Jugo-Zapada Rossii) // *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4, pp. 182–186. (In Russ.)
8. Martynov V.L. Sazonova I.E. (2014) Development of Aland islands: major trends and challenges // *Baltic Region*, no. 1, pp. 122–136.
9. Morozova N.M. Alymova A.G., Yakovleva E.S. (2021) Immigration and migration policy in the Nordic countries // *DEMIS. Demographic research*. Vol. 1. No 1, pp. 87–96. doi: 10.19181/demis.2021.1.1.10 (In Russ.)
10. Rudakova E.K. (2020) Demograficheskij krizis v Evrope: tipy vosproizvodstva naselenija // *Vlast'*. No 5, pp. 246–253. (In Russ.)
11. Ryazantsev S.V. Rusu S.V. Medved V.A. (2020) Factors of Migration in the European Union Countries during the 2015-2016 Crisis // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Jekonomika i parvo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. No. 4, pp. 19–28. doi: 10.26653/2076-4650-2020-4-02 (In Russ.)
12. Fajbusovich E.L. Kornekova S.Ju. (2013) Perspektivy geodemografii kak nauchnogo napravlenija gumanitarnej geografii // *Izvestija RGO*. Vol. 145. No. 1, pp. 31–35. (In Russ.)
13. Fal'tsman V.K. (2023) Demographic problems of Europe and the World // *World Economy and international relations*, vol. 67, no. 5, pp. 16–23. (In Russ.)
14. Fedorov G.M. (2014) Current issues in the geodemographic studies in Russia // *Baltic Region*, no. 2, pp. 4–21.
15. Fedorov, G.M. Mikhailov, A.S. Kuznetsova, T. Yu. (2017) The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea Region, *Baltic region*, Vol. 9, no. 2, pp. 7–27. doi: 10.5922/2074-9848-2017-2-1
16. Frolov I.D. (2018) Sootnoshenie pervogo i vtorogo demograficheskogo perehoda v mire kak faktor migracionnogo krizisa v Evropejskom Sojuze // *Vestnik KGU*. No. 3, pp. 70–73. (In Russ.)
17. Depopulation and shrinkage in a northern context: geographical perspectives, spatial processes, and policies (2022). *Fennia*. Vol. 200. No 2.
18. Finnäs F. (1991) Fertility in Larsmo: The effect of Laestadianism // *Population Studies*. 45(2), pp. 339–351.
19. Hanell T. Mattila M. Ahvenainen T. Raunio M. (2023) Joko lähdet vastahan tulit? Ulkomaalaistaustaisten henkilöiden muuttoliike // *Migration-Muuttoliike*. Vol 49. No. 2, pp. 34–41. (In Finn.)
20. Heikkilä E. Järvinen T. Jussila H. (2003) Migrating back to history? The settlement structure and migration in Finland, a 400 years' perspective // *Nordia Geographical Publications*. 31: 1, pp. 55–67.
21. Heleniak T. Gassen N.S. (2020) The demise of the rural Nordic region? Analysis of regional population trends in the Nordic countries, 1990 to 2040 // *Nordic Welfare Research*. Vol.5, Iss.1, pp. 40–57. doi: 10.18261/issn.2464-4161-2020-01-05
22. Hiilamo H. (2019) Why fertility has been declining in Finland after the Global Recession? A theoretical approach // *Finnish Yearbook of Population Research*. 54, pp. 29–51.
23. Kettunen P. Rauhut D. Juntunen V. (2020) Why some municipalities succeed and others do not? // *Migration-Muuttoliike*. Vol 46 Nro 2, pp. 13-16.
24. Raunio M. (2022) Osaamisperusteinen maahahnmuutto ja aluellinen eriarvoistus // *Migration-Muuttoliike*, 48(1), pp. 20–29. (In Finn.)
25. Rotkirch A. (2021) Syntyvyyden toipuminen ja pitenevä elinikä Linjauksia 2020-luvun väestöpolitiikalle. – Helsinki: Valtioneuvoston kanslia. – 177 s. (Valtioneuvoston kanslian julkaisuja 2021:2.) (In Finn.)
26. Schneider J. (2018) Demographic “Megatrends” and Their Implications // *Migration-Muuttoliike*. Vol 44. Nro 3, pp. 26-31.
27. Statbank Denmark. Population 1. January by birth month, day of birth, time and country of birth. URL: <https://www.statbank.dk/statbank5a/default.asp?w=1536>
28. Statbank Norway. 05184: Immigrants, by country background, contents, year and sex. URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/05184>

Экономическая, социальная и политическая география

Ступин Ю.А.

29. Statistics Iceland: Statistical database: population and election. Population by country of birth, sex and age 1 January 1998-2023 // URL: https://px.hagstofa.is/pxen/pxweb/en/Ibuar/Ibuar__mannfjoldi__3_bakgrunnur__Faedingarland/MAN12103.px
30. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11ra -- Key figures on population by region, 1990-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11ra.px
31. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11rb -- Population and change in population size by sex, 1750-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rb.px
32. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 11rp -- Country of birth according to age and sex by region, 1990-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rp.px
33. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12an -- Life expectancy at birth by sex and region, 1990-1992 -- 2020-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__kuol/statfin_kuol_pxt_12an.px
34. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12dn -- Live births by sex and mother's age (5-year) and language, 2000-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12dn.px
35. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12du -- Total fertility rate and gross reproduction rate by region, 1990-2022 URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12du.px
36. Statistics Finland's free-of-charge statistical databases. 12dy -- Vital statistics and population by area, 1990-2022. URL: https://statfin.stat.fi/PxWeb/pxweb/en/StatFin/StatFin__synt/statfin_synt_pxt_12dy.px/
37. Statistiska Centralbyrån. Statistical database. Population by age, year, sex and region of birth. URL: https://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/START_BE_BE0101_BE0101E/InrUtrFoddaRegAlKon/table/tableViewLayout1
38. Stjernberg M. Penje O. (2019) Population change dynamics in Nordic municipalities – grid data as a tool for studying residential change at local level. (Nordregio Report: 1). doi: 10.30689/R2019:1.1403-2503
40. Terämä E. (2010) Regional Demographic Differences: the Effect of Laestadians // Finnish Yearbook of Population Research. XLV, pp. 123–141.

Статья поступила в редакцию: 01.12.23, одобрена после рецензирования: 22.05.24, принята к опубликованию: 12.12.24.

The article was submitted: 1 December 2023; approved after review: 22 May 2024; accepted for publication: 12 December 2024.

Информация об авторе

Ступин Юрий Александрович

кандидат географических наук,

старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет;

199034, Россия, г. Санкт-Петербург,

Университетская наб., д. 7–9

Information about the author

Iurii A. Stupin

Candidate of Geographical Sciences, Senior Lecturer,

St. Petersburg State University;

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg,

199034, Russia

e-mail: y.stupin@spbu.ru